

# ЗАПИСКИ СМЕРТНИКА

**Батарея: расстрельная тюрьма**

**2008**

*Балтийский Институт  
по предотвращению преступлений*

*Книга  
посвящается  
памяти  
брата.*

## ***От автора:***

Дорогой друг! Я знаю ты не привык верить ни кому, не веришь ни в бога ни в дьявола... и скорей всего находясь в заключении чувствуешь себя одиноким и разгневанным на весь мир так как считаешь, что с тобой обошлись не справедливо. Эта книга посвящена тебе и таким как ты. Это не вымысел и не сказка, это история моей жизни и рассказ о том, как я пришел к пониманию простой истины ... жизнь не так велика чтобы тратить ее на наркотики и совершение преступлений. За все в этом мире рано или поздно нам придется платить. Нарушая закон, мы по своей глупости часто нарушаем Божьи заповеди: не убий, не укради и тем самым, сами ломаем свою жизнь. Нам кажется, что все это игра и мы думаем что как герои боевиков умные, смелые, ловкие одурачиваем весь мир. А в действительности мы одурачиваем себя любимых, мы разбазариваем свою жизнь и причиняем боль всем тем, кто нас окружает. Я знаю, о чем ты сейчас думаешь... что тебе все равно, что чувствуют те, кого ты считаешь терпилами. Тебе безразлично мнение тех, кого ты считаешь лохами. Ты, как и я в прошлом, скорей всего не задумывался над тем, что чувствуют те, кто тебя любит, те кто тебя воспитывал. Ты разрушаешь не только свою жизнь ты причиняешь неимоверные страдания им, тем кого ты любишь... Разве они того заслуживают? Если ты пытаешься жить по тюремным понятиям и как ты считаешь, не нуждаешься ни в чьих советах эта книга для тебя. Я, как и ты, был осужден. За совершения преступления. Верховный Суд Эстонской Республики приговорил меня к Исключительной мере наказания расстрелу. Который позже был заменен на пожизненное заключение. Большую часть своей жизни я потратил в поисках ответов на простые вопросы и мне не хочется что бы ты, повторив мой путь потратил свою жизнь впустую. Лучше учиться на чужих ошибках. Тюрьма это та школа, которую лучше

проходить заочно.. Мне хочется рассказать тебе то, что ты возможно уже знаешь, но не предаешь этому значение. Я надеюсь, что по прочтению этой книги ты задумаешься над прочитанным и поймешь самую простую истину:

**Для того чтобы жить и быть счастливым не нужно нарушать законы, и потом мучительно долго искать выход из безвыходных ситуаций, в которые мы сами себя загоняем.**

С уважением Михаил Лихой.

16.12.2005год Тюрьма Эмари.

И.М.Н.\*  
(Записки смертника)

## 7.06.1991г ТАЛЛИНН, БАТАРЕЯ, КАМЕРА СМЕРТНИКОВ №107

### «Проходной ключ.»

\ имена всех героев изменены \

С грохотом захлопнулась закрываемая за спиной дверь. Как передергиваемые затворы винтовок лязгнули запираемые на двери засовы. С интересом оглядываюсь и осматриваю свои новые «хоромы». Над дверью надпись:

«Жизнь в нашей власти мы доколе  
трепещем, бьемся и живем  
пока в нас много ясной воли  
к тому, что жизнью мы зовем...»

Смерть к нам приходит в те мгновенья  
Когда поверил ты в нее  
и нет в тебе сопротивленья  
Смерть – малодушие твое...»

Небольшое полутемное помещение 2,5 на 3 метра, вдоль стен стоят двое нар называемых в тюрьме «шконками». Между нар вмонтированный в пол стол. Помещение настолько маленькое и тесное, что мне приходится с трудом протискиваться боком между столом и нарами, что бы пройти к противоположной от двери стене. Тут заваренное металлическим щитом окно 40 на 50 см. В металлическом щите насверлено два десятка дыр, размером с однокопеечную монету. С улицы слышен щебет птиц и через пару дырок в окне видно берег моря и клочок неба.

---

\* Исключительная Мера Наказания

Сегодня начинается мой последний этап в этой суетной жизни. Я устал и хочу только одного – спать, спать, спать. Весь сегодняшний день в ожидании то суда, то приговора, то этапа я провёл стоя. И я чертовски устал, но уснуть не удаётся и перед глазами проплывает весь сегодняшний день.

Судья – упитанный дородный лысеющий дядя с отдышкой и брюшком долго читал мой приговор, перечисляя все статьи и пункты и, наконец, добрался до главного:

– «Расстрел!» И только после этого с каким – то любопытством взглянул на меня, как будто только сейчас проснулся. Он ожидал слёз, раскаяния, мольбы о прощении, а вместо этого наткнулся на моё полное безразличие к тому, что происходит вокруг меня. Я совсем не рисовался, мое безразличие было вызвано не крутостью или желанием походить на крутых парней, оно было вызвано только одной физической и психологической усталостью, к тому же зачем пробивать лбом стену, если после этого окажешься в соседней камере? Да и в последнем слове я сам попросил себе смертный приговор, и был психологически к нему готов...

Я устал, устал от всего. Устал жить, устал выживать и бороться за выживание. Устал от автоматных очередей, от взрывов и стонов раненых, я устал от потерь друзей и знакомых. В свои двадцать два года я успел узнать, что такое армия, что такое спецназ, что такое война, что такое следствие и тюрьма...

Вдруг, откуда – то из – за стены раздаётся удар один, второй, третий. И вся камера наполняется гулом, напоминающим звон колокола. Только сейчас я обращаю внимание на то, что всё в камере и стены и потолок и стол и нары, всё металлическое и всё звенит. Только пол бетонный... (наверное, железа не хватило мелькает мысль и я невольно улыбаюсь этой несусветной глупости. Некогда бы не подумал что буду думать об этом в свои первые минуты в камере смертников). С коридора до меня доносится голос, кто – то кричит и зовёт:

– Новенький! Новенький, подойди к двери! Ой, ей!!!  
107 камера!!! К двери подойди!!

– Кто говорит? Спрашиваю я, но меня никто не слышит и продолжает кричать.

– 107 камера, подойди к двери! Говори в глазок, а то тебя не слышно!

Подхожу к двери и спрашиваю:

– Кто говорит? Кого надо?

– Меня Рейн зовут, я как и ты смертник, сижу тут около года. А ты кто и откуда? Как сюда попал? Как тебя зовут?

– Зовут Михаил, ну а попал как все... после суда.

– Постой, постой – это не тот ли Михаил спецназовец, который напал на армейские склады, про кого газеты писали? Вы там часовых еще вроде постреляли...

– Да, про меня, но сам я этих газет не читал.

– Ты из этой тюрьмы пытался во время следствия бежать, и тебя взяли у самой последней двери у вахты? У тебя ещё с собой заточка вроде была...

– Да, наверное, я. Только заточек у меня не было, менты чуть приукрасили, чтобы премию получить. А ты то откуда все это знаешь?

– Я ведь говорю, я недавно газету про тебя читал... Ты даже себе представить не можешь, как я чертовски рад, что тебя сюда посадили. Трещит он где-то за дверью.

Внутри меня начинает волной подниматься раздражение на этого моего нового знакомого, который слишком много болтает и задает ненужных вопросов.

И я перебиваю его, не дав ему договорить до конца:

– О блин! А тебе то я что сделал такого хорошего, что ты никак дожидаться не мог моего вышака, – с деланным удивлением спрашиваю у него.

За время суда, волей не волей я уже привык к тому, что люди которых я зачастую ни когда даже не видел, рассказывали вдруг в суде о том, что меня знают почти что с пеленок. И с их точки зрения, единственное препятствие в построении коммунизма в нашей многострадальной, нищей, забытой Богом стране, это моя невзрачная персона. Но о том, что за стеной находится

мой тайный то-ли доброжелатель то-ли поклонник даже как-то не подозревал. Тебе то чем я насолил?

– Да нет, ты не понял меня, – смеется где-то в соседней камере мой новый знакомый. Я не то хотел сказать. Теперь с тобой хоть веселей будет. А то я уже начал думать, что совсем тут с ума сойду от одиночества. После того, как Фёдора увезли в Кресты на исполнение приговора, я тут один смертник остался... Думал, что и подыхать в одиночестве придется.

Голос вдруг осекается, как будто он сказал что-то запрещенное, о чём не принято и не положено говорить. Молчит какое-то время, а потом как бы подбадривая сам себя, начинает говорить.

– Ты там не дрейфь! Всё будет нормально... В этой тюрьме ещё никого не стреляли, всех увозят в Кресты. Лоб зелёной там мажут. Так что может быть, ещё сможем сорваться отсюда.

– О чём ты говоришь? Какой зелёной? Какой лоб?

– Какой? Какой? – передразнивает меня Рейн – обычной зелёной, чтобы инфекцию не занести... когда стрелять нам в башку будут!

Смеётся.... Я его не вижу, но слышу его смех. И только тут до меня доходит! Да он шутит так! Он смеётся! Я первый раз за день от души смеюсь вместе с ним. Куда-то в сторону уходят и усталость, и желание спать, и появляется чувство голода. Вспоминаю, что последний раз ел вчера вечером, а прошли уже почти сутки, и во рту не было ни куска хлеба. До этапа в суд не кормили, а в суде не кормят для очистки совести и «искреннего покаяния». Спрашиваю у него, когда тут прогулка, баня, завтрак, обед и ужин. И слышу опять смех. Но на этот раз смеётся не Рейн, а кто-то, кто стоит прямо за моей дверью.

– Ага, попался! В карцер пойдешь! Прогулку новенький захотел? Проголодался? Вот и прогуляешься в карцер, хоть гулять смертникам, и не положено! Ну а баня у тебя раз в 10 дней будет. Он как-то по-бабьи хихикает.